

Е. П. Сияк

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ СОЛДАТА В ПОВЕСТИ ВАСИЛЯ БЫКОВА «ПОЛЮБИ МЕНЯ, СОЛДАТИК» КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена лингвопоэтическому анализу образа солдата в повести «Полюби меня, солдатик» классика белорусской литературы Василя Быкова. Ключевыми позициями анализа являются интродукция образа, портрет персонажа, его поступки, речевая характеристика, а также категории социального статуса и авторского отношения, при рассмотрении которых дальнейшей интерпретации и обобщению подвергаются лексические, лексико-фразеологические, морфологические средства, тропы и стилистические фигуры, используемые автором для создания этого образа.

Лингвопоэтика как раздел филологии возникла в результате сближения лингвистического и литературоведческого подходов в анализе художественного произведения. Ее цель заключается в том, чтобы «определить, как та или иная единица языка вовлекается автором в процесс словесно-художественного творчества, каким образом то или иное сочетание слов приводит к созданию данного эстетического эффекта» [1, с. 116]. Суть лингвопоэтического метода подробно описана в работах В. И. Карасика, А. А. Липгарта, В. Я. Задорновой, Е. Б. Борисовой, Л. М. Козеняшевой.

Ключевыми позициями анализа являются интродукция образа, портрет персонажа, его поступки, речевая характеристика, а также категории социального статуса и авторского отношения, при рассмотрении которых дальнейшей интерпретации и обобщению подвергаются лексические, лексико-фразеологические, морфологические средства, тропы и стилистические фигуры.

Художественный образ солдата является сквозным в творчестве классика белорусской литературы Василя Быкова, что объясняется тематикой написанных им книг. Тема Великой Отечественной войны и – шире – Второй мировой – одна из ключевых в произведениях писателя, среди которых и его повесть «Полюби меня, солдатик» (1995), где образ солдата воплощен в персонаже Дмитрия Борейко.

Действие «маленькой повести», как определил жанр произведения сам автор, происходит в последние дни войны на территории небольшого австрийского городка, где пока еще не установилась мирная жизнь. Художник прибегает к повествованию от первого лица для отображения происходящих событий. Благодаря этому приему не только максимально сближаются голос автора и голос повествователя, но и становится возможным раскрытие «изнутри» персонажа, избранного писателем в качестве главного действующего лица.

Таким образом, повествование ведется от имени молодого лейтенанта, командира оружейного расчета противотанкового полка Дмитрия Борейко, знакомство читателя с которым происходит на фоне весенней пейзажной

зарисовки, вселяющей радость и оптимизм в душу персонажа: «... в Австрийские Альпы пришла весна, на пустыре зазеленела усыпанная лютиками трава, в палисадниках зацвела сирень, днем пригревало солнце. На душе посветлело, даже становилось радостно от предчувствия молодой, бездумной удачи. Особенно, когда тебе уже перевалило за двадцать и впервые за войну появилась надежда выжить» [2, с. 3]. Состояние обновленной природы перекликается с душевным состоянием героя (использование положительно окрашенной эмоциональной лексики: безличный глагол *посветлело* в переносном значении ‘становиться радостным, приветливым, радостнее, приветливее’ [3, с. 702], наречие *радостно*, существительное *удача*, конкретизируемое эпитетами *молодой* и *бездумный* в их узуальном значении), позволяя ему снова почувствовать себя мальчишкой, и, как в детстве, прокатиться на трофейном велосипеде.

Тем не менее, повествователь предстает в интродукции не только натурой романтической, но и опытным во всех реалиях войны, ее повседневности и быта, фронтовиком: «За моей огневой, аккурат над лесопилкой ветер разгонял в небе коричневый клоч дима – это разорвалась шрапнель. В подобном случае лучшее укрытие было в доме или хотя бы под крышей. <...> На этой огневой все уже сидели в ровике, хотя от шрапнели ровик – плохое укрытие» [2, с. 12].

Обращает на себя внимание тот факт, что описания обстрелов позиций часто заканчиваются малыми вкраплениями внутренней речи или внутренними монологами повествователя, что позволяет автору создать психологически сложный, но в то же время достоверный и жизненный образ персонажа: «Обстрел шрапнелью длился, кажется, бесконечно долго. <...> Пронзительный грохот множило горное эхо; от особенно близких разрывов закладывало в ушах. Думалось: только бы сдюжить! Не погибнуть. Совершенно глупо и несправедливо погибнуть в самом конце войны» [2, с. 13]. Напряженное внутреннее состояние героя передается экспрессивными синтаксическими конструкциями: неполными предложениями, усиленными оценочными лексемами *глупо*, *несправедливо*, повтором глагола *погибнуть*, экспрессивным восклицательным предложением с просторечным глаголом *сдюжить*. И далее: «Положил трубку и сидел, прислонившись к чьей-то спине, думал, что обстрел, разумеется, скверное дело, но в одном отношении даже хорош – обстрела не любит начальство. Во время обстрела можно не опасаться, что на твои позиции неожиданно нагрянет какой-нибудь крикливый командир в «виллисе» или притащится нахлебник – комсорг, парторг или особист-«смершевец». Во время обстрела ты сам себе хозяин, лейтенант-взводный и, кроме немца, для тебя тут врага больше нет» [2, с. 13]. Используя лексические средства, обладающие отрицательной ингерентной коннотацией (эпитет *крикливый*, просторечия *нахлебник*, *притащиться*), повествователь указывает на свое неприязненное отношение к начальству, аргументируя его фактами из суровой армейской жизни. Лексическая ана-

фора *во время обстрела* и фразеологизм *сам себе хозяин* говорят о том, что по-настоящему свободным и независимым в своих поступках и решениях младший офицер мог быть только во время боя.

Новые подробности из биографии повествователя читатель узнает в ходе сюжетного развертывания повести, непосредственно связанного со знакомством лейтенанта с землячкой Франей. Дмитрий Борейко – белорус, родом из Бешенковичей, его родители – сельские учителя. В сцене знакомства Дмитрия с девушкой вводится портретная характеристика повествователя, чрезвычайно экономная, сконцентрированная лишь на деталях одежды: «Взглянув на ее ровные ножки в маленьких мягких тапочках, я невольно перевел взгляд на свои побелевшие от пыли кирзачи и не без некоторой робости переступил низкий порожек. <...> Там, на огневой позиции, я мало заботился о своем внешнем виде – испачканные в землю брюки, запыленные кирзачи, оторванные пуговицы... Здесь пришло иное ощущение, и разодранный рукав стал вызывать у меня чувство неловкости. <...> Я снял ремень с кобурой, стащил через голову заношенную гимнастерку и снова сконфузился, оказавшись в очень несвежей сорочке с нелепыми завязками на груди» [2, с. 12, 18]. Из приведенных текстовых фрагментов очевидно, что для Дмитрия, выросшего в семье сельской интеллигенции, такое отношение к своему внешнему виду было продиктовано исключительно обстоятельствами войны и его должностью командира взвода, обязывающей быть всегда на передовой, в гуще военных действий и не всегда оставляющей время на себя. На лексическом уровне об этом свидетельствует указательное местоимение *там*, вынесенное в начало предложения и конкретизируемое выражением *на огневой позиции*, равно как и оппозиция лексем *там-здесь*, вводящая мотив смущения и стыда перед девушкой за свой неопрятный внешний вид. Таким образом внешние портретные детали становятся психологическими, потому как передают такие чувства героя, как робость, неловкость.

Перейдем к характеристике речевого портрета персонажа. Как мы уже отмечали, в повести «Полюби меня, солдатик» В. Быков заявляет о перепоручении своей роли непосредственному участнику событий, что, несомненно, придает повествованию достоверность, так как предполагает изложение и осмысление происходящего с позиции очевидца. «Выбор рассказчика, – отмечает В. А. Кухаренко, – определяет основные стилистические характеристики подобного повествования, его тип» [4, с. 144].

Дмитрий Борейко, как он сам отмечает, «... неплохо учился в школе, прочитал какое-то количество умных книг. Читал и на фронте. В разговорах среди друзей-ровесников, кажется, слыл неглупым парнем» [2, с. 37]. Такая самохарактеристика является не только признаком высокого социального и культурного уровня персонажа, но и позволяет ему вести повествование с соблюдением норм литературного языка. В то же время повествовательная манера, отмечаясь литературной правильностью, лишена всякой искусственности, она естественная и живая, что достигается за счет использования стилистически маркированной лексики – разговорных и просторечных слов.

В сцене конфликта между Дмитрием и старшиной разведроты, желавшим занять коттедж, где жила Франия, Дмитрий использует сниженную разговорную лексику (разговорно-сниженное словосочетание *вперить взгляд* и бранный эпитет *сволочной*). С помощью ругательств и грубых слов лейтенант выражает свое резко отрицательное отношение к происходящему, недовольство и возмущение, что свидетельствует о его эмоциональном состоянии в тот момент.

В описании Франии, напротив, угадывается трепетно-нежное отношение Борейко к землячке, очарование ею, на что указывает обилие уменьшительно-ласкательных слов, несущих положительную эмоциональную окраску. Приведем пример: «Взглянув в ее курносенькое, с несколькими крохотными веснушками на переносье лицо, я сразу узнал наш, полузабытый девичий облик – вежливо-сдержанный, тронутый коротеньким милым смущением при виде незнакомого человека. С виду она была совсем девочка, одновременно похожая на подростка-мальчишку – в темной кофточке с белым узким воротничком, вместо юбки – узкие темно-синие брючки, которые носили молодые австрийки. К кофточке на едва заметной груди был приколот булавкой верхний край чистого передничка, как, наверно, полагалось горничной. <...> Вся такая ровненькая, словно гвоздик, небольшого росточка, с едва заметной готовой исчезнуть лукавинкой в серых глазах» [2, с. 11].

К особенностям нарративного идиостиля повествователя можно также отнести «вкрапления» белорусизмов (например: *девчинка, пригожая*), названий вооружения и армейской техники (например: «*парабеллум*» «*хорх*», «*виллис*», «*додж*», «*студебеккер*»), военных терминов (например: *огневая позиция, бруствер*). Речь повествователя не лишена образности и экспрессивности. Метафоры, сравнения, эпитеты, фразеологические обороты, пословицы и поговорки оживляют язык Дмитрия Борейко, делают его эмоциональным и убедительным, позволяя отметить такие черты рассказчика, как образованность, наблюдательность, живость ума, искренность, находчивость, решительность. На синтаксическом уровне обращает на себя внимание обилие безличных и контекстуально неполных предложений (не замещена позиция подлежащего).

Речевая партия Борейко как главного героя повести представлена диалогической речью и внутренней речью – малыми вкраплениями внутренней речи и внутренними монологами. Отметим, что роль повествователя позволяет главному герою выражать свои эмоции как эксплицитно, называя их в ремарках к своим репликам в диалогической речи (например: *обрадовался, смутился, удивился, насторожился*), так и имплицитно, используя в самих репликах междометия, повторы, восклицательные слова, вопросительные и восклицательные конструкции. Распространены инверсии, парцелляции, эллиптические конструкции.

Одной из ключевых категорий в создании художественного образа персонажа являются его поступки, анализ которых позволяет характеризовать героя как личность. Итак, лейтенант Дмитрий Борейко, как и другие солдаты, переполнен предвкушением скорого конца войны. Примечательно, что, пройдя нелегкими дорогами войны, испытав на себе все ее лишения и тяготы, Дмитрий не очерствел душой. Он умеет ценить прекрасное, с уважением относится к труду людей. Так, по-хозяйски жаль ему австрийский городок, который из-за бессмысленных обстрелов мог превратиться в руины: «И мною вдруг овладело беспокойство: как бы не угодили в коттедж! Враз могли испортить всю эту красоту – плод трудов и забот, может, не одного поколения. <...> Почему-то прежде о том не думалось: стреляют, ну и пусть, рушат – и ладно. На войне никогда ничего не создается, всегда разрушается – так было всегда. Но вот появилось новое отношение как к человеческим жизням, так и к материальным ценностям. Появилась жалость, – как, наверное, и полагается в конце каждой войны» [2, с. 8–9]. Таким образом, переход от военных действий к мирному времени находит свое закономерное отражение и в движении чувств главного героя повести – от продиктованного законами войны безразличия к жалости. Синтаксический параллелизм, усиленный эллипсисом (*стреляют, ну и пусть, рушат – и ладно*) сменяется восклицательной интонацией, свидетельствующей о накале эмоций, и лексемами *беспокойство, жалость*.

Открыт главный герой и по отношению к людям. Узнав, что в одном из коттеджей живет девушка родом из Белоруссии, Дмитрий решает познакомиться с ней, потому что «... очень хотелось встретиться с земляком, вспомнить знакомые обоим места, узнать что-либо о людях, может, и об общих знакомых, а то и родственниках, связь с которыми прервалась...» [2, с. 7]. Молодой лейтенант очарован природной красотой девушки, ее хозяйственностью. В общении с Франей он сначала смущен, а с хозяевами дома, старыми австрийцами, – держится уверенно, его реплики исполнены оптимистического взгляда на будущую жизнь: «Все будет хорошо, – бодро заметил я. – Главное – война кончается. Американцы с запада идут. Уже близко. Так что и у вас – Гитлер капут!» [2, с. 16]. Краткие предложения, парцелляция, использование в восклицательном предложении немецкого словосочетания придают высказыванию Дмитрия особую эмоциональность и выразительность.

Франя и ее пожилые хозяева не разделяли победного оптимизма молодого фронтовика. Суждения о войне и мире, нацизме и коммунизме, высказываемые австрийцами, казались лейтенанту странными и никак не совпадали с его миропониманием: «... мои привычные представления о здешней жизни, похоже, поколебались, столкнувшись с другой, мало знакомой мне реальностью. Все-таки это был иной, не схожий с моим, мир...» [2, с. 18].

Неофициальное сообщение о капитуляции, радость от того, что остался жив, и очарование девушкой настраивали молодого человека на романтический лад, пробуждая желание беззаботной легкости, безмятежности в отношениях с землячкой. Ему хотелось говорить о пустяках, шутить. В качестве примера приведем отрывок диалога между Франей и Дмитрием:

Вот и к правде себя никак не приучу. Особенно, если правда колючая. Чаще удобной правды хочется, как-то приятнее.

– *Удобное всегда приятнее. Даже сапоги, которые не жмут, – неуклюже сосстрил я* [2, с. 35–36]. Комический эффект в данной ситуации достигается посредством различного употребления прилагательного *удобный* героями. В реплике Франи речь идет о метафорическом эпитете *удобная правда*, Дмитрий же, чтобы разрядить обстановку, использует оценочную лексему *удобный* в ее узуальном значении ‘такой, которым хорошо, приятно пользоваться, вполне подходящий’ [3, с. 826].

Исповедь Франи о своей нелегкой жизни и испытаниях, выпавших на ее долю, размышления о доброте, человечности, Боге впечатляют Дмитрия житейской мудростью. Лейтенант осознает, что знания девушки глубже его собственных, что она сумела познать новые, пока недоступные ему, истины, которые помогали ей выживать: «Прежде я полагал, что кое-что смыслю в жизни, – признается Дмитрий. <...> В разговорах среди друзей-ровесников, кажется, слыл неглупым парнем. Правда, кто были эти друзья и о чем были наши разговоры? В большинстве это были такие же Ваньки-взводные, вчерашние школьники, окончившие ускоренный курс военных училищ и в свои девятнадцать лет брошенные в мясорубку войны. И наши разговоры не выходили за пределы нашего военного опыта, в общем далекого от обычной человеческой жизни. О жизни вообще мы почти не разговаривали – ее у нас по существу не было. Не было в нашем коротеньком прошлом, очень смутно просматривалась она в нашем послевоенном будущем. Порой было невероятно трудно дожить до вечера, где уж там рассчитывать на будущее и рассуждать о доброте, мудрости и Боге» [2, с. 36–37]. Как видно из приведенного текстового фрагмента, главный герой очень подробно рассуждает о причинах, которые мешали ему вести диалог о жизни на равных с девушкой. Это и круг общения, включавший таких же неопытных молодых людей, как он сам, и темы для общения, которые регламентировала как сама война, так и государство, в котором вырос повествователь.

Дмитрий открывает для себя богатый внутренний мир девушки, ее душевную красоту, честность и доверчивость. Между молодыми людьми вспыхивает чистая, искренняя любовь. Через чувство любви выявляется и внутреннее богатство личности Дмитрия, сила его духа.

Долгожданное известие о капитуляции гитлеровцев вызывает у фронтовика неоднозначные чувства, что эксплицируется как в лексическом наполнении следующего текстового фрагмента, так и в его синтаксическом строении: «В моей душе царил хаос чувств, – говорит герой, – радость победы перемежалась с тревогой разлуки. Также знал, чувствовал, что

поедем отсюда, но куда? Далеко или близко? Я жаждал вернуться сюда, мне очень хотелось этого. Хотя бы на час, на пятнадцать минут» [2, с. 39]. Стилистическая фигура градации, стилевые синонимы (*жаждать, очень хотеть*) подчеркивают стремление лейтенанта вернуться к девушке.

В конце концов Дмитрий находит возможность реализовать свое намерение и в первый день мира возвращается в городок, где осталась Франя. По дороге к девушке лейтенант отмечает все произошедшие в первый мирный день изменения в обстановке, в поведении встретившихся ему людей. Все говорит о том, что война окончена, радуется Дмитрия и дарит надежду на скорую встречу с Франей. Однако лейтенант торопится, спешит, потому что боится опоздать: «Мое желание вот-вот должно было осуществиться, и я почти был доволен. <...> И в то же время какое-то неясное беспокойство тревожными токами проникало в мои чувства и все хотелось – скорее! Я боялся опоздать» [2, с. 49]. Чувства великой радости и необъяснимой тревоги снова перекликаются в душе героя, но отрицательная эмоция уже берет верх, что лексически выражено словосочетанием *беспокойство проникало*, которое усилено эмоциональным эпитетом *тревожные*, использованием наречия *скорее*, выделенного пунктуационно с обеих сторон.

Окончательно же надежда рушится, когда Дмитрий оказывается у самой калитки коттеджа и, как бывалый фронтовик, замечает тревожные знаки – распахнутую калитку, разломанные двери, черную от огня стену дома. Молодой лейтенант возвращается слишком поздно – его возлюбленная мертва, как и ее хозяйка, старики Шарфы.

Трагедия, произошедшая в особняке, ошеломила, оглушила выдавшего вида Дмитрия: «Не ощущая себя, я опустился рядом на корточки, непонимающе уставясь в ее застывшее личико, не зная, что делать – тихо заплакать или возопить от нестерпимого горя. Очень хотелось вопить – горько и безысходно, на весь белый свет» [2, с. 52].

Вынесенный в инициальную позицию деепричастный оборот *не ощущая себя*, эпитет *непонимающе*, усложняющий экспрессивное деепричастие *уставясь*, указывают на растерянность и шоковое состояние главного героя. Контекстуальные антонимы *тихо заплакать* и *возопить*, эпитет *нестерпимый*, повтор выразительного глагола *вопить*, усиленного пунктуационно и лексически эпитетами *горько* и *безысходно*, а также фразеологическим выражением *на весь белый свет* подчеркивают невыносимую душевную боль фронтовика.

Он, солдат, который мог погибнуть в любой момент, – жив, а Франя, его несостоявшаяся любовь, пытавшаяся спастись от войны, – мертва. Дмитрий теряет ощущение пространства и времени. Он проклинает тех, кто совершил это преступление: «Нелюди и гады! Гады и нелюди! Кто бы они ни были – свои или немцы. Коммунисты или фашисты. Да развернется земля и поглотит их!» [2, с. 53].

Целый ряд изобразительно-выразительных средств свидетельствует о состоянии крайнего отчаяния героя. Это хиазм, усиленный восклицанием

и использованием просторечий с негативной коннотацией (*Нелюди и гады! Гады и нелюди!*), синонимический повтор (*свои или немцы, коммунисты или фашисты*), глагол *поглотить* в его переносном значении.

Как человек небезразличный к чужому горю, Дмитрий пытается разобраться в том, кто и почему убил хозяев и девушку: «Кто это сделал? За что? Что это – месть или ограбление? Или, может, политика? <...> Кто их убил – хозяев и девушку? Или они – случайные жертвы преступления, или налицо определенный преступный замысел? Может, виною всему привлекательный с виду коттедж? <...> Хотя, подумав, нетрудно было догадаться, кто мог это сделать. Подобное случалось и не только на австрийской земле. <...> Тут же появилась такая возможность и нашлись люди, готовые воспользоваться ею. Тем более в логове врага, где все позволено» [2, с. 53–55].

Хотя однозначного ответа лейтенант не дает, но умение анализировать и проводить параллели с известными фактами помогают ему прийти к выводу, что во всем виновато безвластие, царившее в городке, и люди, решившие им воспользоваться.

Проклинает герой и себя за свою нерешительность, за то, что не взял Франю с собой сразу, а постеснялся своих подчиненных, начальства и «смершевца». «Меня обманули, – рассуждает Дмитрий. – Люди, судьба или война. А может, победа, которую теперь праздновали без меня возле реки. Моим же уделом стал другой праздник. Черный праздник беды» [2, с. 57]. Приведенный текстовый фрагмент свидетельствует о том, что победа, которая еще недавно так радовала героя, померкла. Для Дмитрия победа превратилась в беду, о чем свидетельствует парцеллированное предложение «Черный праздник беды», в котором оксюморон *праздник беды* усиливается цветовым эпитетом *черный*, имеющим в русском языке отрицательную символическую окрашенность [5, с. 517]. Примечательно, что само слово «победа», заимствованное из старославянского языка, своими корнями восходит к слову «беда». Происходит разъединение человека и общества, рушится вера героя в людей.

Категория авторского отношения к персонажу, как отмечает Е. Б. Борисова, является сквозным аспектом и обнаруживает себя в интродукции образа, речевой характеристике персонажа, в описании его поступков и портрета, но может выражаться и в авторских комментариях, и в репликах других персонажей [6, с. 335]. Необходимо отметить, что в повести «Полюби меня, солдатик» прямая авторская оценка действиям главного героя отсутствует, поскольку повествование ведется от имени самого героя. Изображая поступки, внутренний мир героя, его чувства, эмоции, мысли, В. Быков предоставляет право читателю судить о чертах характера героя, проявляющихся в каждом конкретном случае.

Таким образом, мы приходим к выводу, что речевой портрет и описание поступков являются доминирующими в структуре художественного образа персонажа. С их помощью Василию Быкову удалось создать яркий, реалистичный образ молодого белорусского солдата, для которого обязательны лучшие качества человека – доброта, человечность и порядочность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Задорнова, В. Я.* Слово в художественном тексте / В. Я. Задорнова // *Язык, сознание, коммуникация* : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2005. – Вып. 29. – С. 115–125.
2. *Быков, В.* *Полюби меня, солдатик...* : повесть / В. Быков // *Нёман*. – 1996. – № 6. – С. 3–59.
3. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // *Российская академия наук; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова*. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.
4. *Кухаренко, В. А.* Интерпретация текста : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / В. А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
5. *Бирих, А. К.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
6. *Борисова, Е. Б.* Художественный образ в британской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04, 10.02.20 / Е. Б. Борисова. – Самара, 2010. – 383 с.

The article is devoted to the linguopoetic analysis of the soldier's image in the story *Poljubi Menja, Ssoldatik (Love Me, Soldier)* by V. Bykov. The descriptive details and main tools of expressiveness creating the features of the character are revealed and interpreted.

Поступила в редакцию 06.04.18